

(Окончание. Начало на стр.5).

вышедшее в 1989 году собрание сочинений Юлии Друниной в двух томах начинается с этих трех стихотворений. Похожие на парней девчата переходили к так называемой мирной жизни, и это было подчас драматично. Поэтическую хронику этих лет и десятилетий мы и читаем у Юлии Друниной, хотя корпус ее сочинений шире и богаче этой летописи. Она была женственна, задумчива, любознательна. Иногда взрывалась, и тогда становилась резкой. Взорвется — отойдет — притихнет.

Война — протянулась для Юлии Друниной на всю жизнь.

*Все грущу о шинели,
Вижу дымные сны —
Нет, меня не сумели
Возвратить из войны.*

Мерой военного человека судила она все, что встречалось ей на пути. Многие не принимала. И чем становилась старше, тем больше не принимала.

Пришло признание, явилась слава, но покоя не принесла. Увлечательное поначалу сидение в президиумах наскучило. Участие в заседаниях Верховного Совета, поначалу престижное, наскучило и опечалило. Стала Секретарем Союза писателей, но постыдно было участвовать в поножовщине перед всем честным народом. Отошла в сторону. Но и в стороне стоять было нелегко, это не по ней.

Лжи не терпела. Захлестывала себя работой. Но, очнувшись, печалилась. Пыталась быть полезной в государственной работе, но увидела, что сознательное приложение сил к любому участку жизни бесполезно. Общий лозунг выживания во что бы то ни стало ее не увлек. Жизнь перестала представлять интерес.

Ранней весной мы встретились в районе Сокола. Друнина, увидев меня, притормозила машину, остановила ее, окликнула меня и вышла навстречу мне с лицом открытым и опечаленным. Наш разговор был сбивчив, с паузами, с неожиданными переходами от одной темы к другой. Затрудняюсь внятно передать его. Отчетливо запечатлелось: прыгающие вокруг лужи воробьи.

— Это воробьи, конечно? Да, воробьи, — сказала она.

— Не сомневайтесь.

— Я не сомневаюсь в том, что воробьи, как не сомневаюсь в том, что и они допрыгаются до Красной книги. И они.

— Вы думаете?

— Не сомневаюсь. Мы и без этих останемся. Не то что... — она не закончила фразы, и я не стал помогать ей закончить ее.

Спустя некоторое время — тоже случайная встреча летом в Лавке писателей. Крутая железная лестница на второй этаж, духота. Обрадовались друг другу. Предложила подвезти домой, благо живем в близстоящих домах. В машине говорила мало. С огромными паузами. Передаю не последовательность слов, а ход мысли.

— Мне казалось, власть — это прежде всего сила. Я стала властью, а у меня никакой силы нет. Избиратели доверяют мне свои дела, я сижу, смотрю на них и думаю, что правдываю их доверие. Хлопо у, пишу в то или иное министерство, ведомство, район, округ. Не отвечают. Как будто сговорились — не отвечать. Сила? Никакой. Я бес- мощна. Хоть кричи караул. Даже прокуратура не отвечает на депутатские запросы. Избиратели, всего верней, считают,

что я виновница их злоключений. Власть имущая, а слабая и беспомощная. И зачем я сижу по 10—12 часов в Зале заседаний! И зачем я утверждена в этой липовой должности! Кому-то это нужно, нужно для какой-то опасной игры. Видимость власти, и только...

— М-да, — сочувственно мычу. Пауза. Неловкость.

Тихим голосом, не поворачивая головы, продолжает думать вслух.

— Кровь Карабаха и Сумгита была пережита народами, но не властями. Выводы не сделаны. Кровавое пролитие не прервано. Цепная реакция крови, прерываемая воплями о переходе к рынку. Рынка еще нет и, видно, долго не будет, а мафия, воровство, коррупция уже есть. На что будем надеяться? На бронепоезд, который «стоит на запасном пути»?

Подъезжаем к дому. Остатки повора- чиваются ко мне лицом, на котором разлита грусть и доброта. Она пытается улыбнуться. Ей это не удается. Но лицо притягательно своей искренностью, очень печальные глаза и пытающиеся улыбнуться губы...

— Ну, вот и поговорили. Везем книги, хотели говорить о литературе, а вот снова политика. Мы не можем вырваться из нее. Такое время. Объявляем деполитизацию (так это, кажется, называется?), деидеологизацию, но не можем без них. Любой разговор сворачивает на эту дорожку. Может быть, условимся как-нибудь и поговорим о нашем деле? О литературе. Тоже — не возрадуемся. И оно тоже в запустении и одичании. Властям долго будет не до культуры. Долго, так долго, что потом попробуют оглянуться, а культуры нет как нет...

На этом «нет» мы и расстались. Как оказалось, навсегда.

Есть не одна, а семь, тридцать пять, сто девять причин самоубийства. Люди гадают — почему? И чаще всего присочиняют романтическую историю или историю. Я не знаю. Встречались редко, говорили мало. Но понимал: она маялась. После смерти мужа и друга Александра Каплера маялась.

И вот — осуждаемый религией выход. Отравилась выхлопными газами в машине. До этого душа была отравлена тем, что видела и слышала вокруг. Снова, как это бывало и до нее, — нехватка воздуха. Натура действенная и цельная, она не вобрала в себя ни скепсис, ни цинизм. Снова, как это бывало, удивление, испуг, раскаяние окружающих: не доглядели. А как доглядеть в эту эпоху?

Поздней станет немного понятней: почему? Может, отыщутся дневник, письма, записки, последние беседы, очевидцы. Но все равно тайна не будет раскрыта. Столько раз ходила рядом со смертью. Выжила. А сейчас, 21 ноября 1991 года, сама пошла навстречу смерти.

Кто говорит,

что на войне не страшно,

Тот ничего не знает о войне.

Хочется перефразировать эти строки: кто говорит, что жить не страшно, тот ничего не знает о жизни. Юлия, Юлечка, Юлия Владимировна, Вы так захотели, Вы так совершили. Ваш уход из жизни многое объясняет в самой жизни, в том числе Вашей.

На снимке:

Ю. ДРУНИНА в рубке теплохода «Родина» в Тюменской области.

Фото Н. Кочнева.

Представляем издател

РОВОЛЬТ (БЕРЛИН) ПРИЕЗЖАЕТ В МОСКВУ

Издательство «Ровольт» (Берлин) было основано летом 1990 г., через несколько месяцев после революции 1989 г. (объединения Германии).

Его программа — в среднем ежегодно пятнадцать книг и шесть литературных произведений в журнале «Курсбух» — посвящена преимущественно темам, авторам, политическим и литературным текстам тех стран, которые до последнего времени были скрыты от нас «железным занавесом».

Политический климат отношений между Востоком и Западом претерпел на наших глазах значительные изменения. Пик революции прошел, появилось похмелье, горькое отрезвление от обретения свободы.

Мы на Западе праздновали уход социалистического и ком-

мунистического режима с политической мировой сцены как победу Запада в состязании систем — как победу западного образа жизни, рынка, демократии, — не предполагая того, какую значительную партию мы сами сыграли в драме этого столетия.

Но постепенно мы — западногерманское послевоенное поколение, до сегодняшнего дня живущее на острове счастья — за нами руины фашизма, рядом — стены коммунизма, — стали постепенно понимать драматизм исторического образа жизни стран Востока. Произведения таких авторов, как великая поэтесса А.Ахматова, чью биографию мы издали, открывали нам глаза на действительность.

Мы публиковали Людмилу Петрушевскую и Андрея Битова, Татьяну Толстую и Соню

Марголину, статьи Виктор Ерофеева и Виктора Топорова.

Пришло время распрощаться с картинами мировой гармонии с верой, что мир можно разделить на черное и белое, хорошее и плохое, правильное и фальшивое, нас и других, своих и чужих. «Ровольт» (Берлин) приезжает Москву в конце мая, к сожалению, только на несколько дней. Нас привлекает город с такой богатой и драматической историей, давший миру так много волнующих литературных открытий.

Мы хотели бы представить москвичам и познакомиться с вами.

Инке БРОДЕРЗЕИ
директор издательства

АСТРОЛОГАМ